

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
НАШЕЙ РОДИНЫ

ВЛАДИСЛАВ
БАХРЕВСКИЙ

**ЖЕМЧУЖИНА
ОКАТНАЯ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“
1989

**ВЛАДИСЛАВ
БАХРЕВСКИЙ**

**ЖЕМЧУЖИНА
ОКАТНАЯ**

Художник А. КУМАНЬКОВ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“
МОСКВА 1989**

В

ПРИСТУПОЧКА

старину в деревне всякую вещь, и ту, что кормит, и ту, что забавляет, крестьянин своими руками мастерил: избу, телегу, рубаху, шубу, лапти, конскую упряжь, чашку, ложку, свирель, рожок, свистульку, печь-матушку... Потому и говорили: золотым рукам цены нет! Да ведь не все-то руки золотые. Митюхе была бы крыша над головой, а Прокоп живёт, как земля учит. Земля великая старательница красоту творить.

У Митюхи изба по-чёрному топится, без трубы, дым в окна валит, крыша набекрень съехала. А у Прокопа — терем. В доме на что ни погляди — глазам радость.

Верно! На иного барина в неделю семь дней работали, на себя — при луне да при лучине. Но рассказ наш о том, что умели, что успевали крестьянские руки.

У доброго хозяина изба не с порога начинается — с погляда. Конёк на крыше — солнцу, луне, частым звёздам привет. Крыльцо — гостю поклон. Сени — хозяину смотрины. В сенях — лари с мукой, со всякими припасами. Под крышей веники — в бане париться, калина, рябина, травки разные. На стенах конская сбруя, хомуты, дуги. Дуги все узорчатые, с колокольцами. На лавке вёдра с водой, коромысло. На радугу хозяйка поглядывала, когда коромысло красочками наряжала.

Изба жива печью. Печь хороша, если дров ест немного, а тепло держит долго. Такой рассыпчатой каши, таких пышных караваев, пирогов, пампушек, жаворонков — без русской печи не видать, не едать. Вот и любили хлопотунью, как родного человека.

Столы и лавки мастерили дубовые, вечные. А ковши, половники, солонки, ложки резали из липы, из клёна. Кленовая ложка свет пропускает.

Умыться поутру — уточка. Лицо вытереть — полотенце с петухами, с конями, с крылатыми зверями.

Лапоточки надел — ноги сами идут. Раньше-то лапотников бедностью корили, сапоги и впрямь были дороги. А вот нынче по лаптям только вздохнуть. Кто носил — помнит: нога в лапте легка, ступать по земле — радость. И земле от хождения вреда немного. Лапоть траву помнёт, да не раздавит.

Ныне, отправляясь в путь, мы всё норовим прокатить, пролететь, проплыть. В старину русский человек — великий ходок! — ногам своим больше коня доверял.

По земле идти — загляденье. Песенка, как у птицы, сама с души спархивает.

Поистёрлись лапоточки — тоже не беда: сел да новые сплёл. Где лыко на лыко, там и слово на слово — вот и загадка. А где загадка — там и присказка...

Бывалые люди такого порасскажут, что и сон, как

явь, и явь, как сон. На лягушку поглядишь — и уж в сомнении: не царевна ли?

За нарядами не в магазин бегали — сами мастерили.

Сарафан на крестьяночке — заря, кокошник — солнышко. Платок с жемчугами — лебединому крылу под стать.

Да, да! Наши крестьянки хоть и в лапоточках ходили, но в жемчугах. Откуда жемчугу взяться? Да из речки, которая под окном течёт. Множество русских рек были жемчужные. Варзуга, Ветлуга, Вория, Емля, Мста, Дон, северная часть Волги до Симбирска, Бирюч, река

Онега и само Онежское озеро, озеро Прорва, Сольвычегодское озеро, Селигер, река Псёл, река Икса, Умба и многие, многие другие. Озёра, озёрца, реки, ручьи. Жемчуг был окатный — круглый, был рогатый, угольчатый, уродец, зубоватый, половинчатый...

Добывали жемчуг просто. Летом, в самую малую воду, выгоняли на реку плот с дырой посередине. Ловец накрывал себя сверху накидкой, чтоб солнце не слепило, и собирал со дна ракушки. Собирали без разбору, всё подряд. Всё подряд и разламывали... Добытую жемчужину по два часа держали во рту — «замаривали». Это делалось ради красоты цвета. Потом жемчужину заворачивали в мокрую тряпицу и клали на грудь. Тоже неспроста: тепло человеческого тела придавало жемчужине таинственный матовый оттенок!

Прекрасен речной жемчуг! Вот и выловили его до последней жемчужной ракушины. Ничего нам с вами, потомкам своим, не оставили.

Мы теперь, поумнев и спохватившись, говорим друг другу: не срывай цветов! Не трогай ландыша! Не обламывай черёмухи! Ты видел их красоту, слышал их запах, пусть и потомки наши порадуются красоте земной!

Русский человек жил среди природы. Леса вокруг стояли дремучие. Страшно было человеку в таком лесу. Вот страхи и оборачивались водяными, лешими, анчутками. В избе по ночам хозяйничали домовый да кикимора, в бане — банник, на гумне — гуменник.

Запропаستится какая-либо вещь, крестьянин не себя бранит — домового. Чтобы шутник-домовой тотчас вернул припрятанное, крестьянин шептал в тёмный угол: «Поросячьи глаза!» Домовой обижался и возвращал пропажу.

Со сказкой в дружбе жил русский человек.

Былое быльём не порастает. Грозное да горькое — сердцу память, доброе и прекрасное — душе праздник. Чем седее древность, тем она ближе к сказке.

Сказка так сказка! Она уж тем хороша, что сказывают быстро, а помнят долго. Из песни, говорят, слово не выкинешь, из сказки — чудо. Что за жизнь без чуда?! На то они и бахари, чтобы баять: сто вёрст до небес, да всё лесом!.. Вон уж светом-то как налилась жемчужина окатная. Жемчужным светом! И зову я вас с собой в стародавнее время, к русским людям, на крутой бережок, в деревеньку да деревянненькую.

Д

ЖЕМЧУЖИНА ОКАТНАЯ

дедушка Микеша за зиму на печи усох. Совсем как пёрышко! Того и гляди, ветром унесёт.

Ждал дедушка Микеша весны. По траве хуже коровы соскучился. Коровы от тоски мычат, а старики молчат. На ухо туг, но грача первым услышал! Да и вон из избы на завалинку.

Силёнок у солнышка ещё не много, да на ласку не скуп. От солнечной ласки дедок глаза жмурит-жмурит, да и вздремнёт. Тут и подсел на Микешину завалинку Проня.

К дедушке Микеше многие подкатывались, но все уходили от него несолоно хлебавши.

Устроился Проня на завалинке и спрашивает дедушку Микешу напрямки, без вилянья и око-лесицы:

— Скажи, дедушка, где мне жемчужину окатную, заветную сыскивать? Тебе, говорят, ведомо жемчужное место.

Поглядел дедушка Микеша на парня искоса, от солнца бороды не отворачивая. Парень в плечах, лицом чист, а в глазах, однако, омутки.

— Зачем тебе жемчужина окатная? Невесту, чай, богатую высмотрел? Поди на реку, шапку жемчугу, потрудясь, и ныне можно наловить.

— Какое там шапку! Пяти зёрен не сыщешь,— отвечает Проня.— Перевели жемчуг. А про невесту — верно говоришь, высмотрел, только сватов не шлю. Есть у меня про нашу жизнь три сумления. Спросить про них, кроме царя, некого. А к царю ходить — можно и без головы остаться.

Тут дедушка Микеша обоими глазами на Проню поглядел:

— Какие же это у тебя сумления?

— Да такие. Хочу царя спросить: отчего богатство у недоброго, земля — у праздного, суд — у бессовестного. Может, царь, послушав моих вопросов, в нашу, крестьянскую, сторону царской ручкой шевельнёт?

Дедушка Микеша бородою лысину вытер, да и говорит:

— Тебя во дворец на порог не пустят.

— С пустыми руками — взашей погонят,— соглашается Проня,— а с жемчужиной окатной, пресветлой — дорожку в ноги постелят.

— Только заикнёшься — отберут у тебя жемчужину.

— А я про неё дворне не скажу, откуплюсь жемчугом половинчатым, зубоватым, угловатым, уродцем... Засмеялся дедушка Микеша:

— Царь на золоте сидит, а крестьянин — на земле. Царя уму книжники учат, а крестьянина — земля да небо. Неравную, Проня, ты мену задумал: красоту — на царское слово. Ну да ладно. Не о себе думаешь, о людях. Подставляй ухо.

И ничего-то с парня не запрашивая, пошептал ему, где да что, а потом снял с себя суровую нитку, а на той нитке — птичий манок. Свистнул раз, свистнул два, а на третий — прилетел белый сокол. Дедушке Микеше на плечо сел.

— Послужил мне, старому. Послужи теперь молодому.

Поворотил сокол голову, поглядел на Проню. Один глаз у птицы — ночь, другой глаз — день.

— Когда надо будет, покличешь,— сказал Микеша.— Птице сверху больше нашего видно.

Поклонился Проня дедушке Микеше и пошёл домой тепла дожидаться. Пока лёд в море не утянёт, пока большая вода не сойдёт — о жемчуге и думать нечего. Да ведь и сеять надо.

Отсеялся — май уж на середине. На зелёной травке, на вечернем тепле девушки с парнями всю хороводятся.

Вот однажды сидит Проня на бугорочке, девичьи песни слушает, сам на боры заречные поглядывает.

Ай, как синяя вода разливается,
Ай, зелёная трава расступается.
Как лебёдушка да с лебедем милуются,
Лебедями — люли! — девушки дивуются.

Девушки все в сарафанах, в кокошниках. Онучи на ногах беленькие, лапоточки липовы все с песенкой. Сарафаны — с рукодельцем. Кокошники в жемчугах.

А на простушке Луше панёва бабушкина да платочек. Панева — не девичья одежда, только другой в избёнке вдовьей не сыскалось. Всего украшения у Луши — трава-колокольчик в белых зубах, алых губах.

Девушки все павами, а Луша — перепёлочкой. Кому кокошник поправит, кому онучи ловчей накрутит. Сама, глаза разулыбя, на белый свет не нарадуется.

Поглядит Проня на Лушу — на сердце снегирь, поглядит на боры заречные — ворон. Заречные боры — нехоженые. Леший в тех борах живёт припеваючи, незваных гостей норовит так пугануть, что весь век потом медвежьей болезнью маются.

Взгрустнул Проня, Луша тут как тут:

— О чём кручина? В хоровод не идёшь, песен не поёшь.

— Да вот гляжу да прикидываю,— отвечает Проня,—какая сорока тебе боле к лицу: о яхонтах али в жемчуге?

Сорока — тот же кокошник, только с повоем, и носят его замужние.

— Яхонт царице к лицу,— отвечает Луша,— а жемчуг весь уж выловили. Мне солнышко за место кокошника.

И руку подаёт:

— Пошли, Проня, в круг!

Только они стали в хоровод, богатая Васёна и говорит своему богатому Власу:

— Гляди, всяк сверчок знает свой шесток! Мы с тобой богатые — вот и пара, а у них, голяков, у Прони с Лушей,— тоже пара.

Глупое слово — глупому обида. От Лушиных ушей Васёнины слова ветром отнесло, а Проня на боры заречные смотрел...

Ранёхонько пришёл Проня на реку, а в лодке — Луша с кринкой.

— Знаю, куда ты собрался. Возьми маслица на дорожку, чай, пригодится.

Взял Проня кринку, попрощался с Лушей и — за реку.

На другом берегу поглядел через плечо на Лушу, на родную деревеньку и ступил в дубраву, что заставой стояла перед Красными борами. Не дуром ступил, по-учёному. На все четыре стороны слово сказывал:

— Хожу по лесам, по кустам, по мхам, по болотам, по ягоды-грибы, по птицу-зверя, по жемчуг ясный.

Куда ни хожу, никогда не блужу. Солнце — по солнцу, месяц — по месяцу, а тебе, лесной хозяин, покорность отдал. От меня, раба, отшатнися, в чёрный дуб обернися.

Тут колода гнилая, что лежмя лежала поперёк Прониной дороги, зашаталась, задвигалась, поднялась стоймя. Затрещала, как гром, сучья по небу раскидывая, обернулась дубом — всем дубам дуб.

Проня дух перевёл — да через дубраву, всё вверх, вверх — в Красные боры, подальше от лешего.

Пришёл к реке именем Светлынь. Дно у реки золотое, здесь солнышко по дну босиком ходит.

За третьей старицей нашёл плот, сбитый дедом Микешей для жемчужного промысла, с оконцем посередине. Лыко с колышка снял, шестом оттолкнулся — да и поплыл.

Сам лёг над оконцем, рубахой накрылся, чтоб солнце глаза не слепило, и глядит на дно. Пескари стайками шмыгают, щука поперёк течения стоит, вьюны вьются. Вдруг — ракушки! Проня плот шестью заякорил, собрал раковины и далё поплыл. Нагрёб ракушек целый ворох. А разломил — добыча в горсти уместилась. Три жемчужины половинчатые, три угольчатые, одна уродец, одна окатная, круглая, да вот незадача — с брусничку.

Оттого и перевёлся жемчуг в русских реках, что много хотели, да мало находили. Думали, жемчугу перевода нет.

Положил Проня жемчужные зёрна за щёку, чтоб заморить. Два часа с дутой щекой ходил, потом завернул зёрнышки в мокрую тряпицу — и на грудь. Красоту жемчужина добирает от живого тепла.

Приплыл Проня по Светлыни к Белому камню, как дедушка ему указывал, — плот оставил и полез через чащобы да лесные завалы к озерцам, где вода черным-черна да чистым-чиста.

Здесь и наловил Проня всякого жемчугу це-

лую шапку. Удача духу ему прибавила, вот и позвал он сокола. Явилась белая птица, привела на заветное озерцо.

В том озерце промеж трёх омутов ещё и омуточек.

Вышел Проня к воде на ночь глядя. Земля темна, озеро и подавно. Залез он на сосну от зверья, от гада ползучего. Устроился, задремал.

И чудится ему — свет в глаза брызжет. Смотрит — что за диво! Посреди озера Водяной месяц печёт. Вода пузырями, месяц тоже булькает, светляки с него по всему лесу летят. Водяной фыркает по-лошадиному — сердится. Плоховато месяц выпекается, кривой, весь в дырках, как сыр. Известное дело, без масла, без сала — худое печиво.

Водяной скребёт корягой-лапой по озеру, а месяц прилип, не снимается.

Проне жалко стало Водяного. Слез с дерева. Достал из котомки кринку масла да и кинул её Водяному:

— Держи, дедушка! Масло печива не испортит.

Водяной масло из кринки вытряхнул, подцепил месяц, перевернул, допёк и — в рот! Откусил раз, откусил два. Поглядел — и ещё раз откусил. Остался от месяца ободок с рожками.

Шлёпнул Водяной лапой по озеру, месяц и улетел в небо.

Водяной, как карп, выпучился на Проню и говорит:

— Тебя, видно, Микеша на ум наставил.

— Дедушка Микеша, — сознался парень.

— Дедушка! Вчерась Микеша таков, как ты, был. Быстро живёте... Ну, ладно. Ты мне помог, а я тебе — мешать не стану. Знаю, зачем пришёл.

Да как ухнет! Проня вздрогнул, птицы ночные шарахнулись, деревья трепетом обьяло.

Очнулся Проня.

В трёх омурах по три дуба корнями вверх стоят. Взял Проня тростинку в рот, нырнул и поплыл между корней, как сквозь паутину.

Выплыл к омуточку, тростинку за пояс — и нырнул.

Подхватил его омутовый смерч, потянул в бездну на гибель неминучую. Да Проня наставление дедушки Микеши помнил, не напугался, смерчу не противился и угодил на чёрное дно. А раковина — вот она! Едва успел Проня взять сокровище, как подхватил его обратный смерч и вынес на белый свет. Поплыл Проня к берегу среди хитрых кореньев. Зацепись — не выпутаешься. На кореньях раки сидят, с клешнями, с усами, глаза — по ложке!

Вышел Проня на берег, глядит на раковину, — а она и впрямь великая, с лапоть!

Открыл Проня створки — да и зажмурился! Чудным светом в глаза ему ударило. Сами створки — как две луны, а жемчужина — с райское яблоко, горит, будто солнышко на заре.

Положил Проня жемчужину за щёку, котомку на спину — и домой!

Идёт борами Красными, сам себе дивится. Просто далась ему жемчужина окатная, пресветлая. Жив, здоров, разве что в воде замочился. Вот оно как бывает, когда со старым человеком в дружбе! Без дедушки Микеши и озера бы не нашёл.

Радуетя Проня, а по спине мурашки бегут, коренья подводные в глазах стоят, раки пучеглазые, с клешнями, с усами, а про смерч омутовый лучше и не вспоминать совсем.

К родной речке вышел Проня при частых звёздах. Смотрит — в лодке Луша сидит.

— Милая ты моя! Ждёшь?

— Жду,— отвечает.— Принёс, за чем ходил?

— Принёс, милая!

Луша веслом толкнулась, поплыли. Только видит Проня, правит девушка не на деревеньку, а за околицу, к баньке брошенной.

— Куда ты меня завезла?

А Луша смеётся:

— Удивить тебя хочу! — И дверь в баню отворяет.

Тут птица ночная как вскрикнет — ёкнуло у парня сердце. Замешкался на порожке. А его кто-то в спину толк — и растянулся он на банном полу.

От гнилья в бане — сумерки. Свет зелёный, мёртвый.

Оглянулся — вместо Луши — старая карга с клюкой, с клыком во рту, с космами вместо косы.

— Попался, дурак!

Хлопнула ведьма в ладоши, и в тот же миг явилась из-под пола, из ямы ледяной — лягушка со свиным ростом.

— Давай сюда жемчужину окатную! — закричала на Проню ведьма. — А сам в лягушку полезай. Нашим будешь. Не то в дым печной превращу, в летучую мышь с пёсей башкой.

Лягушка рот разинула — ворота и ворота. Делать нечего. Скинул Проня котомку с плеч, узел теревит.

Сам думает, как ему не пропасть.

— Кто ж ты на самом-то деле будешь? — спрашивает ведьму.

— Молчи, дурак! Поспешай.

— Затянулось! — Проня в зубы узелок взял, а сам не торопится.

А лягушка как скакнёт! Но в тот же миг кто-то в дверь постучал, и в баню вкатилось яичко крашеное...

Завыло тут в бане, захрюкало, заскреблось, зашмурыгало. И ни лягушки, ни ведьмы. Лежит на полке Васёна белым-бела, в беспамятстве, а в дверях — настоящая Луша.

— Пронюшка, как же я напугалась! Я тебя на нашем бережку ждала, на правом, а Васёна-ведьма — на левом.

Тут Васёна в себя пришла, охает.

— Не губите меня до смерти. Мне и так не сладко.

— Да как же не сладко? — спрашивает Проня. — Ты ж богатая!

— За богатство — душой заплачено. Колдовство мне досталось от батюшки. Батюшке — от дедушки. И рада бы, как люди, жить, да богатство не велит, помощники мои недобрые от себя не пускают. За версту буду обходить вашу избу. На детушек ваших не гляну, на скотинушку не дуну.

— Ладно, — сказал Проня. — Теперь я знаю, отчего богатство у недоброго. Нечестный в обнимку с нечистым живёт. Эка радость!

Плюнул под ноги, взял Лушу под руку — да и вон из баньки!

Утром солнышко Проню на дороге встретило, к царю шагал. Долго ли, коротко ли — притомился, сел на придорожную травку. Вдруг скачут, плетьюми машут.

— Как ты смел на земле нашего володетеля рассиживаться?

Проня от плётки увернулся, на дорогу, как заяц, скакнул, а сам в манок свистит. Тут его и схватили.

— На земле нашего володетеля стоять, сидеть, упаси боже — лежать — окромя царя, никому не позволено! — говорят слуги. — Плати выкуп, не то конями затопчем.

Проня горсть жемчугу из котомки достал:

— Этого будет довольно?

У слуг глаза волчьи, схватили парня — на коня, вскачь! В палаты!

Володетель сидит за столом, стол яствами да питьём сладким заставлен из конца в конец, а ничего-то не пригублено, не откушано.

— Это ты на моей земле рассиживался? — спрашивает володетель.

— Вроде бы я, — отвечает Проня.

— Бери ложку, ешь.

Проня в затылке маленько почесал, да время всё равно уж к обеду. Сел, поел, медком запил, усы вежливо о скатерть утёр.

Володетель и говорит:

— Отвечай, такой-сякой, отчего сладкая моя жизнь — горькая? Ответишь — отпущу, не ответишь — собакам скормлю.

— Да ведь оттого небось, что наш брат крестьянин земле и солнцу угодник, а ты, володетель, своей прихоти.

— Может, и так, — сказал володетель. — Только дерзкие твои слова. Плати за глупость, да смотри, сполна плати. Эй, слуги!

Вытрясли слуги Проню — до последней жемчужинки, и окатную, пресветлую, тоже сыскали.

— Гоните его в шею! — приказал володетель. Погнали бы, да тут в окошке — птица. Бела,

как свет бел. Опустилась володетелю на темечко да как поглядит — слуги от страха и обмерли.

Собрал Проня свой жемчуг, штаны подтянул, рубаху оправил и — за дверь, да через поле, да в лес. Только его и видели.

Сел Проня на пенёк, призадумался: у царя ли правду искать, когда он володатель над володетелями. Не дома ли она осталась, правда-матушка? Дед Микеша для царя жемчужину окатную пожалел, а для Прониной мечты сокола в придачу пожаловал.

И повернул парень обратно, на дорогу прямо-езжую, а потом на стёжку, что вела к Лушиной избе да к его, Прониной, судьбе.

А его ждут не дождутся.

Поклонился Проня Лушиной матушке, поднёс Луше шапку жемчугу на сороку. Луша от радости, как маков цвет, а глазами — печалуется.

Проня и говорит ей:

— Пойдём, Луша, к дедушке Микеше. Все сумления про жизнь у меня кончились. Прав дедушка — нет выше крестьянского звания! Отнесём ему жемчужину окатную, пресветлую. Уж он найдёт ей место.

Тут Луша и заплакала:

— Ах, Проня! Ждал тебя дедушка Микеша, да не дождался.

Взялись они за руки, пошли к дедушке на могилу.

Достал Проня жемчужину, на ладонь положил, чтоб красе земной само небо порадовалось. В тот же миг пал с неба белый сокол. Схватил жемчужину и в такие выси взмыл, что и не усмотришь. Но в том самом месте, куда взлетела белая птица, зажглась звёздочка, окатная, как жемчужина. А на траве роса легла, тоже, как жемчуг, светлая, окатная.

Дорогие друзья!

Издательство «Малыш» и Советский детский фонд имени В. И. Ленина предлагают вам внести свой взнос в помощь детям, оставшимся без родительской заботы, маленьким инвалидам, каждому ребёнку, который нуждается в помощи общества, а значит, каждого из нас.

Цена на эту книгу, как вы видите, несколько увеличена. Разница будет переведена на конкретные цели Детского фонда.

Издательство «Малыш»,
Советский детский фонд
имени В. И. Ленина

Для младшего школьного возраста
Владислав Анатольевич Бахревский

ЖЕМЧУЖИНА ОКАТНАЯ

Художник А. Куманьков

Редактор Е. Рыжова.
Художественный редактор А. Асеев.
Технический редактор Ю. Асеева.
Корректор Н. Шадрина.

ИБ № 2526

Сдано в набор 06.12.88. Подписано в печать 18.07.89.
60×90/16. Бум. офс. № 1. Гарнитура школьная.
Печать офсет. Усл. печ. л. 4,0. Усл. кр.-отт. 18,5.
Уч.-изд. л. 3,71. Тираж 150 000 экз. Изд. № 1698.
Заказ № 2510. Цена 60 коп. (в том числе — 5 коп.
наценка). Издательство «Малыш», 121352, Москва,
Давыдовская ул., 5. Калининский ордена Трудового
Красного Знамени полиграфкомбинат детской лите-
ратуры им. 50-летия СССР Госкомиздата РСФСР.
170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Б 4803010201—036 34—89
M102(03)—89

ISBN 5—213—00399—0

© Издательство «Малыш» 1989

Scan: Ershov V. G., 2007

60 коп.

